

А. М. Мартынец

Национальный образ-персонаж и урок литературы

А. М. Martynets

National Image-Character and Literature Lesson

Знакомство учеников с мировой классикой предвидит доминирование в преподавании принципа толерантности, иначе говоря, уважительного отношения школьников к морально-духовному наследию конкретного народа, закреплённому в конкретном тексте. Прикоснуться к настоящим ценностям, закодированным в литературных шедеврах, поможет работа над национальным образом-персонажем, который в сознании школьника формируется на протяжении многих лет.

Работая над текстами мировой литературы, необходимо помнить, что литература – это духовный источник народа. Не вызывает сомнения утверждение, согласно которому все литературы разные за своим национальным содержанием, историей, традициями. Это даёт возможность утверждать, что и образы национальных литератур будут национальными, разными по своему существу. Такой взгляд разрешает утверждать, что на уроках литературы, помимо существующих в школьном литературоведении понятий *герой, портрет, характер, образ*, надо использовать ещё одно – *национальный образ-персонаж*, иначе говоря, образ-персонаж, характерный для каждой конкретно взятой национальной литературы, фокусирующий в себе ментальные особенности народа в их единстве и противоречии.

Проблемам национального своеобразия посвящено много работ на языковом, философском, теологическом, психологическом, литературном и других уровнях. Вместе с тем в литературоведении не выработано четких критериев оценки, а также путей анализа, необходимых для определения национальных образов и национальных образов-персонажей, представленных в литературных произведениях народов мира.

Поскольку каждая национальная литература (в известной мере) является отображением жизни конкретного народа, то её создание, как и существование конкретного народа, базируется на со-

отношении философских категорий. Иначе говоря, для того, чтобы понять специфику национального образа, выделить черты национального образа-персонажа, необходимо осмыслить существенные проблемы бытия нации.

При сопоставлении национальных факторов ученые, чаще всего, сосредоточивают внимание на похожем и расхождении. Позволим себе заметить, что в большей степени в этом процессе важны не противопоставления, а сопоставления, даже уравнивание формы и содержания, ведь за одними и теми же названиями понятий и реалий представитель конкретной нации видит что-то свое, характерное и значимое исключительно для него.

В качестве примера возьмем слово «гора». В «Большом толковом словаре современного украинского языка» значится следующее: «1. Значительное повышение над окружающей местностью или среди других повышений. // только мн. Гористая местность, страна» [4, с. 191]. Словарь русского языка предлагает следующее: «1. Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью» [7, с. 124]. В словаре английского языка находим: "very high hill, usu. of bare or snow-covered rock: He looked down from the mounlain lo the valley belom" (дуже високий пагорб з голою або покритою снігом вершиною) [8, с. 393]. Легко приходим к выводу, что описательные толкования значения этого слова практически тождественны. Такими они являются почти во всех толковых словарях национальных языков. Но, несмотря на такой унифицированный подход к пониманию конкретного слова, украинец, россиянин, шотландец, американец, чех, грузин и т. д., произнося слово «гора», видит свои горы, то есть такие, которые он знает, которые близки ему на ментальном уровне. Соответственно, возвышенность для представителей разных национальностей, обозначаемая словом «гора», будет совсем разной. Мир (флора и фау-

на), который наполняет их, тоже будет разным, как и музыка, и совсем разными будут люди, проживающие в этой местности, несмотря на то, что всех их можно назвать одним словом – горцы, то есть жители гор. Для представителей разных национальностей слово «гора» укладывается в характерное для носителя национальных черт мироустройство и отвечает его миропониманию. Такая же вещь происходит и с предметами окружающей среды, быта, многими философскими понятиями и тому подобное. Создавая художественное полотно, художник, как правило, фиксирует в нем именно такие различия миропонимания, мировосприятия и формирует в тексте национальные образы, характерные для носителей определенной нации.

Для примера позволим себе обратиться к тексту Роберта Бернса "My heart's in the Highlands" в переводе на украинский язык Н. Лукаша, получившем название "Мое сердце в верховині". В стихотворении шотландский поэт создает образ родной его сердцу северной страны с ее горами, стремительными скалами, богатыми лесами, долинами, стремительными реками, быстроногими оленями и свободными орлами. У реципиента во время чтения текста возникает образ шотландских гор, тех, которые видел и любил поэт. Ни одна ни другая географическая местность и ее совершенная художественная передача не смогли бы передать отношения поэта к родному краю. Шотландские горы, помимо пейзажных зарисовок, декларируемых автором, является еще и символом свободы, исторической героической памяти коренного населения страны, к которой поэт был вовсе не безразличен. Именно поэтому рефрен: "My heart's in the Highlands" [2, с. 254] выполняет функцию не только обрамления, но и носителя главных ощущений, переживаний лирического героя, который, позволим себе заметить, является одновременно и резонером.

Ученые, как и простые читатели, считают художественный перевод Николая Лукаша "Мое сердце в верховині" практически совершенным. Вместе с тем, в воображении читателя при восприятии текста возникают совсем другие горы, те, что, скорее всего, выполняли в мировосприятии поэта-переводчика ту же функцию, что и у автора оригинала шотландские. Перевод рисует более мягкие горы, и они очень напоминают украинские. Такое мировосприятие обеспечивают использованные переводчиком лексемы «звори» («...темні звори...»), «гаї» («...тіняві гаїв...»), «верховина» («...будь здорова, верховино...») [3, с. 53].

Учитывая результаты исследований Д. Андреева, М. Алексеева, Г. Гачева, О. Дими, Д. Дюришина, М. Кадо, В. Матвишиной, Д. Наливайка, О. Пронкевича и др., приходим к выводу, что национальный образ-персонаж является составным элементом национального образа мира, зафиксированного писателем в художественном тексте. В свою очередь, он формирует «своеобразную модель мира», которая включает национальное виденье, гносеологию, национальную логику, мышление. В сочетании этих составляющих проявляется бытие народа.

Такое утверждение позволяет заверить, что полнее и ярче всего национальные проявления будут представлены именно в образе-персонаже, который таким способом приобретает признаки национального. Следовательно, аналитическая работа, направленная на восприятие и понимание национальных литератур, должна базироваться на внимании к национальным образам-персонажам.

Для начала попробуем выяснить, что является собой понятие национальный образ-персонаж как важная составляющая национального образа мира. Профессор Г. Гачев в работе «Национальные образы мира» выводит и аргументированно утверждает, что национальный образ мира базируется на трех материально-духовных основах: природе (Космосе); составе души народа (Психеи); логике его ума (Логос). По нашему мнению, Логос (логика, ум) входит в состав духовности каждого народа, именно потому ее условно можно разделить на две половинки, одна из которых подчиняется ощущениям, а другая – логике. Такие рассуждения дают возможность сделать вывод, согласно которому национальный образ мира базируется на пересечении двух ломаных линий: линии Космоса (материальной основе) и линии Психеи (духовной наполненности). Эти линии в процессе создания образа мира не статические, а подвижные, зигзагообразные. Для читателя они становятся зримыми исключительно через образы художественного произведения, которые в национальных литературах, как правило, приобретают ментальные признаки. За образным высказыванием Д. Андреева, они являются собой «розу мира» [1], основу которой составляют системность и гармония.

Дальше Д. Андреев продолжает свои рассуждения, называя каждый лепесток жизнеутверждающей розы национальной картиной (образом) мира, которая в своей имманентности является уникальной, но вместе с тем за основными

законами бытия очень напоминает тот лепесток, который находится рядом. На этом уровне, скорее всего, мы можем говорить о наличии в национальных проявлениях общечеловеческих элементов, которые являются основой бытия.

Для восприятия полной картины следует учитывать не только позитивные, но в известной мере, и негативные проявления национального. Только их совокупность может быть определенной моделью больше известной как картина мира.

Согласно убеждений ученых, занимавшихся изучением проблемы создания моделей национальных образов мира, останавливаемся на утверждении, что «дух» – понятие абстрактное, вездесущее, универсальное и обязательное. Дух существует без национальных добавлений вроде любви к ближнему, уважения к родителям, терпимости, честности, добросовестности и т. п.

Именно это понятие является основой Космоса, который хранит единственное, обязательное но не абсолютно статическое, переменное в материальном проявлении и существуют в сознании под названием общечеловеческое.

Общечеловеческим в сложном цикле человеческого бытия является стремление двигаться от негативного к позитивному, от зла к добру, от белого к черному. А национальным проявлением такого стремления можно считать направление этого движения. Для россиянина характерным будет движение снизу вверх, от земли к небу, от черного к белому (светлого). Ведь особенности его мышления доказывают, что злые силы ада, всякой нечисти, живут в темноте, под землей. Отсюда стремление народа к свету, движение, направленное вверх: от земли к небу. Для киргизов, по мнению Г. Гачева [5], характерным является движение сверху вниз, из гор в долину, от черного к светлому (желтого), которое совпадает в системе их мировосприятия. Ведь для этого народа все темные силы находятся наверху, в горах, а все яркое, светлое, животворящее – внизу. В таком случае абсолютно логичным для представителей этого народа является стремление двигаться вниз, держаться как можно дальше от гор и спрятанных у них темных сил.

Понимание мировосприятия мышления способствует пониманию особенностей обычаев, традиций, обрядов, фольклора, языка, поведения, вероисповедания, философии и т. п., что в совокупности характеризует социальную память, в которой содержится «генетический код» каждой нации в отдельности. Все это имеет под собой конкретные основания для проявления в текстах

художественной литературы вообще и сосредоточенно в национальных образах-персонажах в частности.

Специфика художественного образа заключается в возможности конструирования писателем конкретных моделей жизни. Именно поэтому национальный образ-персонаж, созданный художником, это – особенно воспроизведенная духовность народа, воплощенная в вещественный мир в сложной системе проявлений взаимодействия, взаимосвязи Психеи и Космоса. В восприятии художника мир проявляется одухотворенным, преисполненным живых импульсов и человеческих стремлений. Переделывая собственные впечатления в национальный художественный образ, автор создает художественную концепцию миропонимания, то есть художественное произведение.

В «Лексиконе общего и сравнительного литературоведения» отмечается, что концепция модели мира писателем, как правило, выстраивается сквозь призму видения героев, которые являются яркими личностями со сложной гаммой чувств, переживаний, психических состояний [6, с. 457]. Это указывает на выраженную раньше мысль относительно наличия Психеи в формировании национальной картины мира и национального образа-персонажа.

Понять специфику национальных образов-персонажей и формы ее проявления, по нашему мнению, станет возможно только при условии сравнения особенностей развития национальных литератур, с одной стороны, и национальных образов-персонажей – с другой.

В этом плане важнейшим фактором, по нашему мнению, является *природа*, которая формирует национальность, – народ – человека – героя. Ведь именно природа влияет на своеобразие занятий необходимых для выживания, и продуцирует характер человека (героя). В своих исследованиях Г. Гачев указывает на то, что именно природа является основой создания той или иной модели мира. Выстроен он как мировое яйцо или мировое дерево (ясен Игдрасиль в скандинавском эпосе) или как тело кита (Левиафан и Моби Дик), как священный конь или верблюд (произведения Чингиза Айтматова) [5]. Растения, животные, птицы, дождь, солнце, месяц, ветер, другие явления природы у писателей выступают и как собственно явления природы, и как своеобразные символы первобытных верований, и как живые, одухотворенные воображением существа современной автору повседневности, с которыми он ведет

постоянный психологически насыщенный, эмоциональный разговор. Следовательно, явления окружающего мира оживают, очеловечиваются и творят мир художественной реальности.

Анализ научных работ позволяет на второе место поставить историю, ведь она непосредственно связана с природой. Природа формирует человека и провоцирует на разные поступки, следовательно, формирует историю. Вовсе не случайно современность мастерами слова воспринимается сквозь призму древнейших обычаев, национального быта, национальных представлений о человеке и мире.

И если отдельные члены общества (герои) характеризуются потерей этих обычаев и представлений, изменением основ национального бытия, охладевшим отношением к своему народу и его столетиями выработанной культуре, они наделяются национальным беспамятством.

Следующий фактор – труд. То, что человек не получил от природы в силу исторических условий, он берет для себя трудом. Все это вместе творит культуру, в которой формируется настоящая сущность человека, дополняя естественный образ позитивными или негативными качествами.

Именно так разные национальности дополняют друг друга, утверждая непохожесть как норму, а не как исключение. Вместе с тем национальные литературы, которые представляют национальные образы, могут утверждать не только свои этносы, но и модели сосуществования разных национальных образов.

Для учеников общеобразовательных школ достаточно вводить лишь начальное, упрощенное понятие национальный образ-персонаж, который поможет ребенку интегрироваться в мир, воспринимать его не как худший, а просто как иной, не такой к которому он привык с детства. Вместе с тем учителю необходимо больше узнать об этом литературоведческом понятии, чтобы лучше понять его и помочь школьникам разобраться в нем.

Библиографический список

1. Андреев, Д. Л. Роза мира [Текст] / сост. и подгот. текста А. А. Андреева. – М.: Новый мир, 1992. – 576 с.
2. Бернс, Р. Стихотворения : сборник [Текст] / сост. И. М. Левидова [На англ. и русск. яз.] / Роберт Бернс. – М.: Радуга, 1982. – 702 с.
3. Бернс Роберт. Поезії: Пререклад М. Лукаша та В. Мисика / Роберт Бернс. – К.: Дніпро, 1965. – 204 с.
4. Великий тлумачний словник сучасної української мови: довідкове видання / гол ред. В. Т. Бусел. – К.: Перун, 2001. – 1425 с.
5. Гачев Д. Национальные образы мира [Текст] / Д. Гачев. – М.: Сов. пис., 1988. – 448 с.
6. Лексикон загального та порівняльного літературознавства. – Чернівці: Золоті литаври, 2001. – 636 с.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: Ок. 5700 слов [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой [издание четырнадцатое., стереот.] / С. И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1983. – 816 с.
8. Словарь активного усвоения лексики английского языка [Текст] / зав. ред. Л. П. Попова. – М.: Русский мир, 1988. – 710 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Andreev, D. L. Roza mira [Tekst] / sost. i podgot. teksta A. A. Andreeva. – M.: Novyj mir, 1992. – 576 s.
2. Berns, R. Stikhotvoreniya : sbornik [Tekst] / sost. I. M. Levidova [Na angl. i russk. yaz.] / Robert Berns. – M.: Raduga, 1982. – 702 s.
3. Berns Robert. Poezii: Prerekklad M. Lukasha ta V. Misika / Robert Berns. – K.: Dnipro, 1965. – 204 s.
4. Velikij tлумachnij slovník suchasnoï ukráin's'koï movi: dovidkove vidannya / gol red. V. T. Busel. – K.: Perun, 2001. – 1425 s.
5. Gachev D. Natsional'nye obrazy mira [Tekst] / D. Gachev. – M.: Sov. pis., 1988. – 448 s.
6. Leksikon zagal'nogo ta porivnyal'nogo literaturoznavstva. – CHernivtsi: Zoloti litavri, 2001. – 636 s.
7. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo yazyka: Ok. 5700 slov [Tekst] / pod red. N. YU. SHvedovoj [izdanie chetyrnadtsatoe., steoreot.] / S. I. Ozhegov. – M.: Russkij yazyk, 1983. – 816 s.
8. Slovar' aktivnogo usvoeniya leksiki anglijskogo yazyka [Tekst] / zav. red. L. P. Popova. – M.: Russkij mir, 1988. – 710 s.